

Мария
Энгстранд

Код ЭЛЕКТРЫ

КомпасГид
издательский дом

Мария Энгстранд

Код Электры

Серия «Код Ореста», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68704752

*Код Электры : [для сред. шк. возр. : 12+] / Мария Энгстранд ; пер. со швед. Ю. Колесовой ; [авт. обл. Полина (Dr. Graf) Носкова ; ил. М. Чецулина (Greta Berlin)]. : КомпасГид ; Москва ; 2022
ISBN 978-5-90751-460-7*

Аннотация

«Код Электры» – вторая часть шведской трилогии о приключениях Ореста и Малин, действие которой начинается спустя несколько месяцев после того, как закончились события «Кода Ореста».

Мистика и приключения окружают Ореста и Малин, живущих по соседству. Семиклассники находят шкатулку с часами и письмо из прошлого века, а также обнаруживают, что некоторое время назад из их школы таинственным образом исчезла старшеклассница Месина. Друзья втягиваются в разгадку новой тайны, находя всё новые подсказки: шифры, страницы древней книги, удивительные старинные гаджеты.

Младшая сестра Ореста – очаровательная непоседа Электра – тоже вовлечена в череду загадочных событий. Является ли малышка частью тайны или же она поможет героям разгадать ее?

Автор этих историй Мария Энгстранд работала инженером и адвокатом. Но потом ее хобби – сочинение историй – превратилось в новую профессию. Писательница обожает свой край на юго-западе Швеции с его небольшими городками и лесами. Неудивительно, что действие романа разворачивается в тихом пригороде, где мистика, наука, прошлое и настоящее соединяются и увлекают читателя за собой. А образы главных героев на обложке, созданные художницей Полиной (Dr. Graf) Носковой, подчеркивают загадочную атмосферу этого романа-квеста, завоевавшего неподдельный интерес и школьников, и молодежи.

Содержание

1	7
2	14
3	22
4	30
5	40
6	46
7	57
8	64
9	75
10	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Мария Энгстранд

Код Электры

Посвящается Йесперу, с которым мы так похожи и такие разные

Перевод со шведского Юлии Колесовой

Ч	Д	М	Ж	У	Ц	Р	У		В	Р	Б	Ц	Р
Д		Щ	К	Р	О	О	Д	Ж	Ж		Р	М	
М	Э	Ц	Л	О	Е	К		Т	Р	Д	Х	Ы	Э
	Е	Д	Н	Ж	Щ	Д	А	Р	Ш	П	Ь	Ю	Ж

Автор обложки Полина (Dr. Graf) Носкова

Иллюстрации Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Originally published as KOD: ELEKTRA by Maria Engstrand

© Text: Maria Engstrand

© Bokforlaget Opal AB, 2019

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательский дом «Тинбук», 2022

Действие происходит в городке Лерум на грани сна и реальности. Если у некоторых событий обнаружится случайное сходство с реальными, произошедшими в настоящем Леруме, то всему виной лишь земные токи и звездные поля.

1

Серебряный маятник приближался к слову «да».

Сердце в груди колотилось слишком быстро. Я пыталась сдерживать его, чтобы войти в единый ритм с мистическими силами, земными токами и звездными полями. Затаила дыхание – так мне хотелось, чтобы маятник остановился на «да». Но он лишь сверкнул при свете свечи, повернулся и теперь приближался к слову «нет». Я выдохнула.

Слова «да», «нет» и «может быть» написаны на большом листе бумаги – я расстелила его на письменном столе. Маятник, висевший на цепочке, которую я держала на пальце, двигался туда-сюда над бумагой и отбрасывал длинную тень с резкими очертаниями. Гадание можно считать удачным, только если маятник остановится над одним из трех слов.

Я напряженно думала: «Неужели я и есть дитя-лозоходец¹?»

Изо всех сил я пыталась сохранять спокойствие, чтобы высшие силы прошли через мое тело, направляя маятник. Земные токи. Звездные поля. Ну давай же! Ответь!

Маятник замедлился. Скоро он остановится... Вот сей-

---

¹ Лоза – это такая изогнутая буквой V палочка, которую держат в обеих руках и ходят с ней. Когда палочка сгибается к земле, это объясняется тем, что земное излучение изменилось и под землей в этом месте находится вода, или металл, или то, что ищут с помощью лозы. Так говорят те, кто верит в земное излучение.

час...

Прямо над ухом раздался скрип! В моей комнате кто-то – или что-то – есть!

Я вскочила со стула, уронив маятник, и закричала, но тут же зажала себе рот рукой. Дело в том, что «официально» я как бы уже легла спать.

Сердце снова застучало, заколотилось в груди, пока я прислушивалась. Единственный звук в комнате – потрескивание пламени свечи, которую я зажгла на письменном столе, создавая атмосферу для гадания. При таком свете все привычные вещи выглядели странными и мистическими. Деревянные панели письменного стола со всеми царапинами и трещинами казались табличками с загадочными текстами. Тень от моей виолончели, стоящей в углу у балкона, напоминала съежившуюся фигуру: она сидела тихо, выжидая и прислушиваясь... В точности как я. У меня буквально уши заболели – так напряженно я вслушивалась в темноту. Скрежет исчез, но теперь появилось нечто другое. Шипящий звук... чье-то дыхание! Кто-то притаился в моей комнате!

Включив свет, я огляделась. В углу за дверью никого, на балконе тоже... Не в шкаф же кто-то залез?

Шипение сменилось кратким шепотом. На мгновение что-то порхнуло мимо. словно тень или крыло – прошеле-стело, скользнуло по полу и исчезло в темноте... под кроватью? И вот опять! Какое-то животное или...

И тут прозвучал звонкий смех. Я перевела дух. Так может

смеяться только один человек.

– Электра! Что ты тут делаешь? – прошептала я и опустилась на колени, чтобы заглянуть под кровать. Там и лежала Электра, свернувшись калачиком рядом с пластиковым ящиком, в котором я хранила старые комиксы. Она радостно захихикала.

– Плятки! – ответила она. – Я иглаю в плятки!

– Вылезай!

Из-под кровати высунулась ее голова. Светлые кудряшки, как обычно, торчали во все стороны, но сейчас в них застряли серые комочки пыли. Она осторожно взглянула на меня, пытаюсь понять, сержусь я или нет. Но потом радостно рассмеялась, вылезла и крепко обняла меня. При этом угодив пыльной лапой того медвежонка, которого всегда таскала с собой, мне прямо в нос.

– Малин, в плятки! – крикнула она. Ладонки у нее были теплые и липкие. Обняв ее, я заметила, как ее мягкие плюшевые штанишки задрались почти до колен.

Электра – младшая сестра моего соседа Ореста. Она избранный ребенок – иными словами, дитя-лозоходец. Это означает, что она избрана объединить звездные поля и земные токи, ей выпало управлять мощными пересечениями силовых линий. Она обладает способностью приручить таинственные силы, которые люди искали сотни лет!

А еще она маленький ребенок, который постоянно сбегает

ет из дома, и сейчас, когда она улыбается, показывая свои детские зубки, и легонько тянет меня за волосы, поверить в историю про ее избранность довольно трудно.

Я загасила свечу, надела толстый свитер и поймала руку Электры в тот миг, когда она собиралась схватить со стола маятник. На самом деле это не настоящий маятник – это моя цепочка с кулоном, которую я повесила на палец, пытаюсь погадать с ее помощью.

Самая обычная серебряная цепочка с кулоном в форме двух рыбок. Мне подарил ее папа, потому что я родилась в марте, под знаком Рыб. Однако вряд ли я дитя-лозоходец, способный использовать магические силы и маятники. Единственное, на что меня выбирают, – это на дежурство по столовой, и то лишь потому, что больше никто не хочет.

– Тебе надо домой, – сказала я Электре, выводя ее из своей комнаты.

Из гостиной доносились звуки телевизора – я понадеялась, что мама и папа так и будут неподвижно сидеть на диване, пока я крадусь по лестнице с Электрой на руках. К счастью, резиновые сапоги стояли на видном месте, в них легко было запрыгнуть, не выпуская ее из рук. Электра была без обуви и без куртки. Она перебежала к нам в одной футболке и домашних штанах. Прижав ее к себе, я постаралась по возможности прикрыть нас обоих своим дождевиком.

Входная дверь распахнулась, стоило мне нажать на ручку. Это ветер вырвал ее у меня из рук и настежь открыл. Силь-

ный-пресильный и порывистый. Волосы лезли мне в глаза и в рот, пока я изо всех сил тянула за ручку, пытаюсь закрыть дверь.

И вот я на несколько мгновений остановилась на нашем крыльце. Над головой пролетали встревоженные темные облака, между ними проглядывало ясное ночное небо. Я пыталась разглядеть звезды. Что они говорят сегодня вечером? Но сквозь облака пробивался один только лунный свет. Луна уже состарилась и сияла, как большая блестящая буква «С», то высываясь из-за облаков, то прячась за ними.

Был последний день октября. Канун Дня всех святых. Вечер Хеллоуина.

Мы живем в глухом переулке, на коротком участке улицы, где всего несколько домов. Почти у каждой двери сияли оранжевые фонарики из тыквы: один, два, три, четыре, пять фонарей, которые почему-то не унесло штормом. Наша тыква напоминала лицо со злобной гримасой, но я все равно радовалась, что папа нашел время ее вырезать.

Семья Электры живет в доме напротив, наискосок от нашего. К ее дому ведет слишком длинная дорожка, обычно совсем темная, потому что высокие кусты закрывают ее от света уличных фонарей. Никакой тыквы со свечой внутри там нет. Но теперь я заметила, что края дорожек выложены маленькими мигающими лампочками. Их явно недостаточно для общего освещения. Светлее не стало. Скорее, еще та-

инственной.

Влажный воздух на глазах превращался в капли. Дождь колот лицо маленькими холодными иголочками. Электра неподвижно висела на мне, словно теплый тучок. Плотнее обернув девочку дождевиком, я направилась к ее дому.

Асфальт был усыпан мокрыми листьями, и ноги так и скользили. Я крепко держала Электру. Теперь я заметила, что освещение вдоль длинной дорожки состояло из крошечных фонариков со стеариновыми свечками внутри. Некоторые фонарики упали и потухли, но большинство еще горело, от них в темноте расплывались кружочки желтоватого света. Чем ближе к дому, тем они стояли плотнее, а у крыльца их стало очень много – множество свечей, прикрытых от дождя баночками и бутылками. Гирлянда из сотен маленьких лампочек висела вокруг таблички, которую мама Электры прикрепила на старую подставку для розового куста, так что можно было ясно прочесть:

ГЕЛИОНАВТИКА

Альтернатива Всему

Целительное пение, кристаллотерапия,
магнитотерапия, ароматерапия, гороскопы, гадание на
картах Таро, толкование снов, нумерология, помощь в
реинкарнации, духовное наставничество

Лечение и беседа

Люди и животные

Рано или поздно

Внезапно Электра вырвалась. Мне пришлось отпустить ее. Она побежала по ступенькам к двери, и по всему телу у меня прошел холодок – так явственно я вдруг ощутила, как холодно, должно быть, бежать по мокрым камням ее босым маленьким ножкам. Не успела я постучать, как Электра уже распахнула дверь и вбежала в дом. Я сделала шаг вслед за ней в прихожую – и замерла, словно окаменев.

Внутри было темно, как в склепе.

Но в воздухе прямо передо мной раскачивались девять светящихся лиц.

2

Я стояла неподвижно, сердце бешено колотилось. Девять светящихся лиц висели в воздухе в гостиной дома, сразу за прихожей. Они медленно двигались по кругу, словно в беззвучном танце. От этих лиц в темноте исходило желто-белое свечение. Невозможно было понять, молодые они или старые. Вместо глаз темные впадины, губы шевелятся, словно что-то нашептывая. Я почувствовала, как волосы у меня на затылке встали дыбом!

Потом в глаза ударил поток света, ослепив меня.

Свет стал слабее, я заморгала и обнаружила рядом с собой бледное лицо с ужасно серьезным выражением. Оно не парило в воздухе, а было соединено с телом, одетым в брюки и белую рубашку; темные волосы были гладко зачесаны. Просто невероятно, как прилично ухитрялся выглядеть Орест. Даже когда я без предупреждения вваливалась к нему в дом поздним вечером.

Помимо того, что он старший брат Электры, он еще и мой друг. Мы учимся в одном классе, и он **ОЧЕНЬ НЕОБЫЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ**. Пожалуй, в этом его превосходит только его мама. Хотя они необычны совершенно противоположным образом.

В одной руке Орест держал большой фонарик. Сейчас он опустил его луч мне на ноги, а не светил прямо в лицо, как за

миг до этого. В другой руке он держал ведро – подозреваю, что с водой, но в темноте не разглядеть.

– Я обещал маме не зажигать верхний свет, – только и вымолвил он. Электра обняла его за ноги, и он погладил ее по голове той рукой, в которой держал фонарь, отчего луч света заметался туда-сюда. – Электра, тебе нельзя убегать одной к Малин! – строго сказал он. – И ты прекрасно это знаешь.

Тут одно из мистических лиц подошло ближе: оказалось, к нему приделано черное тело. Темная ткань, накинутая на голову, почти скрывала невероятно длинные светлые волосы, лишь чуть-чуть выбивавшиеся наружу. Только услышав задушевный голос, я поняла, кто передо мной.

– Привет, Малин! – сказала мама Ореста. – У нас сегодня сеанс. Хочешь с нами?

Тут я поняла, что парящие лица на самом деле вовсе не летали по воздуху. Просто несколько людей в темной одежде находились в темной комнате. Каждый держал в руке маленький фонарик. Фонарик освещал лицо снизу, придавая ему сходство с привидением – примерно как если бы вы хотели кого-нибудь напугать при помощи карманного фонарика, ну, сами знаете.

Фонарик в руках у мамы Ореста скрывал внутри маленькую свечку со слабым светом.

– Обычно мы держим в руках стеариновые свечи, – проговорила она, заметив, что я рассматриваю ее фонарь. – Но Орест не разрешил.

– Потому что в прошлом году сработала пожарная сигнализация! – возмущенно ответил Орест.

– Да-да, – продолжала мама. – Но с этими маленькими свечами совсем не та атмосфера!

– Достаточно и того, что у вас в подсвечниках длинные! – заявил Орест.

– Ну да, ну да, – ответила его мама. Она всегда отвечает так добродушно – просто не понимаю, как Оресту удается на нее сердиться.

– А... а что надо делать? – неуверенно спросила я. То, что мама Ореста – ее зовут Мона – занимается всякими мистическими вещами, для меня не новость. Но что она придумала на этот раз?

– Мы будем беседовать с теми, кто по ту сторону, – пояснила Мона. – С мертвыми. С теми, кто обитает в мире духов. А духи, как ты наверняка знаешь, в эту ночь особенно близко к нам. Может быть, ты хочешь поговорить с кем-нибудь, кто уже там?

– Нет, – поспешно ответила я и мучительно сглотнула. К счастью, я не знаю никого, кто бы уже умер. – Но, может быть, мне можно посмотреть?

Мона кивнула.

Орест скорчил мне рожу, которая должна была означать: «Ты что, совсем чокнулась?»

Когда мама занимается такими делами, Орест обычно прячется в своей комнате и запирается. Сеансы или реин-

карнационная йога – в общем, все, что указано на табличке, и кое-что еще. Орест ненавидит все это вместе взятое.

Но на этот раз он составил мне компанию, и нам разрешили сесть на диван в гостиной при условии, что мы будем сидеть тихо и не мешать. Электра свернулась калачиком рядом с Орестом. Я сделала себе удобную ямку среди мягких подушек и залезла в нее. Орест поставил ведро с водой на пол и потом, когда мама попросила его, погасил фонарь. В комнате стало почти совсем темно.

Одетые во все черное участники сеанса сели в круг на полу и поставили фонарики на ковер. Мона прошла по комнате со свечой и зажгла длинные стеариновые свечи, поставленные везде: на столах, полках и подоконниках. Зажигаясь одна за другой, они осветили небольшое пространство вокруг, так что комната постепенно проступала из темноты. Беспольные вещи Моны тоже показались, блестя и отбрасывая тени причудливой формы. «Беспольные вещи» – так я называю всякие странные предметы, расставленные Моной по всему дому. Это может быть все что угодно: перья и маленькие веточки, осколки стекла или кусочки металла. Мелкие предметы, которые на самом деле ни для чего уже не используешь. Поэтому мне кажется, будто они обладают магическими свойствами, хотя точно не знаю, какими именно. Сейчас отблески свечей приплясывали на статуе бога со множеством рук, освещали странные камни и картины, отражались в зеркалах и призмах. Тени и отблески казались ожившими. У

меня по спине пробежала дрожь. Хотя я знала, что мы сидим в гостиной Ореста, в самом обычном доме в Леруме, и ничего особенного не происходит – просто Мона зажгла несколько свечей, – меня не покидало ощущение, будто вся комната изменилась, исказилась, утратила четкость очертаний.

Зажигая свечи, Мона читала заклинание:

– День и ночь... – она зажгла две свечи в подсвечнике на комодe, – ...солнце и луна... – она зажгла два свечных огарка в бутылках на подоконнике, – ...птицы и рыбы... – свечи на журнальном столике, перед которым сидели мы, – ...вода и камень... черное и белое... Добро пожаловать всем, кто хочет войти!

Наконец все свечи были зажжены, и Мона уселась в общий круг.

– Духи, мы ждем вас, – закончила Мона своим поющим голосом.

Ничего не произошло. Никто не пошевелился.

Стояла полная тишина.

Выждав довольно долго, Мона повторила:

– Духи, придите к нам!

И снова ничего. Все сидели неподвижно, уставившись в центр круга.

Я уже начала было задремывать в полумраке, когда кто-то вдруг произнес:

– Я здесь.

Это была Мона. Но говорила она не своим обычным сер-

дечным голосом. Голос звучал необычно монотонно, словно говорил кто-то очень уставший или обращался к тому, кто очень далеко. У меня снова волосы встали дыбом. Может ли так быть на самом деле, что какой-то дух разговаривает через Мону? И что он скажет? А что, если сообщения из потустороннего мира и впрямь могут доходить?

Но, знаете ли, вышло все очень скучно. Если Мона и вправду приняла сигналы из потустороннего мира, то им там не очень весело живется. Или же с нами говорил какой-то очень рассеянный дух. Все, что он смог ответить, когда его спросили, как живется там, в потустороннем мире, – это слова «свет» и «покой», а когда один из участников спросил, там ли его дядя Арнольд, дух ответил:

– Я вижу человека со светлыми волосами...

– Да ведь дядя Арнольд был лысый, – сказал тот, кто спрашивал про дядю Арнольда.

– Потусторонний мир непознаваем, – ответил дух.

Ну и все в таком духе.

Подумать только, что визит сверхъестественного духа мог оказаться таким скучным! Пожалуй, даже скучнее, чем обычные взрослые гости.

Участники сеанса задали голосу разные вопросы, и вдруг дух заявил, что ему пора.

Мона долго сидела с закрытыми глазами. Потом заговорила своим обычным голосом:

– Поблагодарим же духов. Поблагодарим за этот сеанс и

пожелаем им покоиться с миром.

Она поднялась и взяла свечу. Потом снова обошла комнату и загасила стеариновые свечи. Все сидевшие в кругу в это время поднялись, охая и бормоча что-то себе под нос. От долгого сидения на полу у многих наверняка затекли ноги! Потом все встали в круг и взяли фонарики. И снова показалось, что их лица парят в воздухе, когда все девять поклонились, держа их перед собой. Мона снова поблагодарила духов, и все задули свои свечи.

Все, кроме одного. Испещренное морщинами лицо с темными глазницами было по-прежнему освещено. В комнате прозвучал голос, глубокий и жуткий, который напугал меня до полубоморока.

– Тьма! – произнес голос. – Тьма против света!

Электра пискнула и прижалась к моей руке. Я услышала тяжелые шаги в темноте – вероятно, остальные участники сеанса тоже перепугались. Может быть, не меньше, чем я! Я не решалась даже дышать.

– Ищи! – сказал голос. – Ищи ради тьмы и света! Ищи в земле! Ищи под камнем! Под камнем Сильвии! Ради тьмы и света! Под камнем Сильвии!

Потом раздался треск, лицо исчезло, и все погрузилось во тьму. Кто-то столкнулся с кем-то в темноте, несколько голосов закричали одновременно, и я услышала всплеск. Когда зажгли люстру, Орест стоял с пустым ведром над каким-то человеком, а тот лежал, растянувшись, на цветочном ковре

на полу.

Этот человек был старый и сморщенный. Черная ткань на голове съехала, обнажив короткую прическу из седых кудрей. Я узнала ее. Ее зовут Герда. Это прабабушка того Анте, который учится в одном классе со мной и Орестом. Ей за девяносто – в таком возрасте человек наверняка знает многих умерших. Она закашлялась, заморгала, и Мона помогла ей встать. Все участники сеанса заговорили наперебой; все спрашивали, как это произошло и не хочет ли она воды, хотя она была вся насквозь мокрая после попыток Ореста потушить пожар.

Я взглянула на Ореста. Он тоже посмотрел на меня. Его черные глаза, в которых мне всегда чудилось отражение звездного неба, казались серьезными, как обычно. Мне стало интересно: его сердце заколотилось так же бешено? Ведь из всех, кто был в комнате, только он и я знали, где находится камень Сильвии.

Вернее, могила Сильвии.

3

Пока все участники сеанса снимали черные покрывала и искали в прихожей Моны верхнюю одежду, я побежала домой. Не хотела отсутствовать долго, не хотела, чтобы мама заметила, – ведь я ушла куда-то вечером, не предупредив. А она так легко превращается в Тревожную маму.

Электра забежала в наш дом не в первый раз. И летом, и осенью она то и дело появлялась у нас, словно повторяющийся сюрприз, маленькая и веселая, всегда с мохнатым медвежонком в руках. Иногда мы, зайдя на кухню, обнаруживали, что она роется в хлебнице. Иногда я находила ее в шезлонге в саду. А иногда – в моей комнате. Мама и папа любят Электру. Стоит ей только появиться, они тут же начинают шутить с ней и брать ее на руки. Но мама сердится: она считает, что маме Электры надо бы получше приглядывать за ней, чтобы та не потерялась, не утонула и все такое.

Моя мама и Мона настолько разные, насколько могут быть непохожи два человека. Можно насчитать пунктов сколько захотите.

1. Мама обожает компьютеры. Мона не разрешает своему сыну пользоваться даже калькулятором.

2. Мама верит в порядок, логику и доказательства. Мона

верит во все на свете, кроме логики и доказательств.

3. Мама держит под железным контролем своего единственного ребенка, то есть меня. Думаю, волосок с моей головы не сможет упасть так, чтобы она этого не заметила. Мона относится к этому вопросу... мягко говоря, куда более непринужденно.

И так далее.

Но я люблю бывать дома у Ореста, Электры и Моны, поэтому не хочу, чтобы мама относилась к Моне еще более скептически. Поэтому и не захотела рассказывать ей, что Электра опять убежала к нам. И уж тем более ни к чему говорить, что я только что присутствовала на спиритическом сеансе, который закончился обмороком старушки.

К счастью, когда я на цыпочках вошла в прихожую, из гостиной по-прежнему доносилось бормотание телевизора, так что я беззвучно прошмыгнула вверх по лестнице и легла в постель, а мама и папа так ничего и не заметили. Заснуть я, разумеется, не могла. Лежала и думала о камне Сильвии.

Когда я рассказала все это вам – о том, как пытаюсь предугадать судьбу при помощи маятника и читать по звездам, и что Электра – избранный ребенок, дитя с лозой, – вы, наверное, подумали, что я просто сумасшедшая. Или человек с разгулявшейся фантазией, которому нравится думать, что в мире гораздо больше мистики, чем на самом деле.

Но вы еще не знаете, что произошло со мной и Орестом

этой весной. А если знаете, то тоже, скорее всего, ломаете голову, чему верить, а чему нет.

А дело было так: почти год назад, в конце января, я стояла как раз на той самой длинной дорожке, ведущей к дому Ореста и Электры, когда из кустов появился незнакомец в большой зимней шапке. Поначалу я испугалась до умопомрачения! Но потом он вручил мне письмо и сказал, что его надо передать избранному ребенку, которого назвал «дитя-лозоходец». Он утверждал, что это очень важно и речь идет о жизни – о будущем! Письмо оказалось очень старое и большей частью написанное загадочным шифром, который я не смогла прочесть.

Когда в мае в этот дом переехала семья Ореста, я подумала, что он и есть избранный ребенок и письмо надо передать ему. Хотя потом была ужасно разочарована, когда он не захотел читать письмо и не смог расшифровать код. понадобилось много времени, чтобы убедить Ореста: я его не обманываю!

Потрудившись, мы все-таки сумели расшифровать письмо и узнали, что оно написано в конце XIX века человеком по имени Аксель. Аксель наблюдал таинственные явления здесь, в Леруме, где мы живем, когда в 1857 году строилась самая первая железная дорога. Письмо привело нас к другому письму, а затем к третьему – новые письма мы находили в самых неожиданных местах: на железнодорожной станции и в церкви, под дубом ленсмана и под мостом Вамме, – пока

не добрались до последней точки поисков. Там мы обнаружили старинный измерительный прибор, который называется астролябией. Астролябию еще называют звездными часами, и это звучит гораздо красивее: такие часы использовали сотни лет назад, чтобы рассчитать свое местоположение по расположению звезд.

Но эти звездные часы оказались совершенно необыкновенными. Загадочная женщина по имени Сильвия рассказала Акселю, что при помощи звездных часов можно измерять земные токи и звездные поля – мощные силы, управляющие Вселенной. Но использовать звездные часы мог только избранный, и его-то она и назвала «дитя-лозоходец». В ином же случае, сказала она, – то есть если астролябией воспользуется не тот человек, – это может привести к большому несчастью. А этот самый Аксель украл часы у инженера по имени Нильс Эрикссон², заправлявшего всем строительством железных дорог. Затем он зарыл прибор в землю и оставил все эти мистические письма как подсказки для избранного ребенка, который, по словам Сильвии, получит астролябию в далеком будущем... то есть сейчас!

В одном из писем Акселя приводилась загадочная песня Сильвии. Вот так она выглядела:

---

² Нильс Эрикссон (1802–1870) – шведский инженер-механик, прославившийся строительством каналов и железных дорог в Швеции. С 1850-х годов проектировал и строил государственную железнодорожную систему Швеции. Памятник Нильсу Эрикссону установлен у железнодорожного вокзала Стокгольма.

То, что привыкли мы видеть вокруг,
Новой картиной сменяется вдруг.
Ныне пришел Рудокоп, а за ним —
Скрежет и грохот, гуденье и дым.
Это повсюду, до края земли
Сети блестящих дорог пролегли.
Скоро ль, дитя, что с лозою грядешь,
Силы заветной источник найдешь?
Самой короткою ночью, когда
Красная с желтой сойдется звезда,
Там, где людские скрестились пути,
Стрелка небесных часов привести
Сможет тебя непременно к тому,
Что не открылось досель никому.
Звездные вмиг развернутся поля.
Мощные токи извергнет земля.
Птицы вослед за тобой полетят
И о победе твоей возвестят.

Я была совершенно уверена, что избранный ребенок – это Орест и именно в его руках астролябия придет в действие! Но даже дитя-лозоходец может использовать звездные часы, только держа их в руке в определенное время и в определенном месте, – так сказала Акселю эта мистическая Сильвия.

Сильвия сообщила Акселю и имя избранного ребенка, и нужное место. Но Аксель так старался сохранить все это в тайне, что спрятал всю информацию в загадках и кодах, которые нам с Орестом пришлось разгадывать.

Последний код представлял собой буквы СВЖБ ХРЪМ, которые Аксель вырезал на стволе дерева в лесу. Аксель написал, что только при использовании имени настоящего избранного ребенка в качестве ключа кодукажет место, где применить астроблюбу. И когда я использовала имя Ореста, код указал нам на вокзал в Гётеборге. Казалось бы, все ясно! Именно там и в тот самый момент, когда две планеты встретятся на небе в ночь после летнего солнцестояния, Орест сможет воспользоваться звездными часами. Так мы думали.

Но перед самым днем летнего солнцестояния некий человек по имени Эйгир обманом заставил меня отдать ему астроблюбу.

Эйгир мечтал управлять мистическими силами и похитил Электру, поскольку считал, что она и есть дитя-лозоходец, а не Орест! Мы с Орестом погнались за Эйгиром с Электрой и настигли их в месте, которое называется Нэс, – «там, где людские скрестились пути», как сказано в старинной песне. Но Электра так и не смогла попробовать тогда использовать астроблюбу, и Орест тоже. Вместо них тем человеком, который случайно держал прибор в руке, когда ударила молния, оказалась я. И на том месте, где мы стояли, образовалась пылающая электрическая плазма!

Так что теперь никто точно не знает, лозоходец Электра или нет. А сама она слишком маленькая, чтобы спрашивать ее, ощущает ли она мистические земные токи, или звездные поля, или пересечения силовых линий Земли.

Во время наших поисков астробии произошло множество невероятных вещей. Странные совпадения, которые могут объясняться тем, что земные токи и звездные поля управляют всем, что происходит... Например, выяснилось, что моя виолончель – моя любимая виолончель, которую мама купила мне задолго до того, как все это началось, – когда-то принадлежала Сильвии! Одно это чего стоит!

Но Орест не верит ни в мистические совпадения, ни в ребенка-лозоходца. Он не захотел воспользоваться астробией, а спрятал ее в тайном месте. Даже мне не говорит, где именно.

Поэтому я пытаюсь исследовать земное излучение и звездные поля самостоятельно. Дела с этим идут так себе. То есть совсем никак. Если честно, с самого лета не случилось ни одного мистического события.

Но теперь все изменилось! Камень Сильвии – должно быть, это тот самый камень с выбитым на нем именем «Сильвия», который мы видели в лесу, рядом с местом, где нашли звездные часы. Там же стоит и дерево с таинственным шифром. Камень указывает, где находится могила, однако под ним лежит не мистическая женщина Сильвия. Нет, та просто бесследно исчезла в конце 1850-х годов! Аксель искал ее, но так и не нашел. Вместо этого – держитесь крепче! – он назвал Сильвией свою *собаку*! Так сказать, в память о той Сильвии. Просто бред какой-то! И там, в лесу, похоронена собака Акселя Сильвия.

И вот теперь... это ведь вовсе не случайно, что снова возникает именно это имя – Сильвия. И произнесено оно духом!

А что, если нам явился Аксель? Или сама Сильвия. И тут мне вдруг показалось, что вся моя комната, так хорошо знакомая, со старым письменным столом, картинами на стенах и виолончелью в уголке, наполнилась перешептываниями и таинственными тенями.

Я поплотнее завернулась в одеяло и не стала гасить лампу на ночь.

4

На следующий день была суббота. Ясное дело, я встала последней. По выходным так обычно и происходит, особенно если учесть, что я всю ночь пролежала, размышляя о душах, привидениях и могиле Сильвии.

В кухне пахло паленым от кофейника: он, забытый всеми, так и стоял с последними остатками кофе. Мама и папа сидели за кухонным столом, перед каждым пустая чашка.

– Но в Швеции нет такого праздника – Хеллоуин! И мне не нравится, когда все одеваются монстрами и убийцами. У нас это называется День всех святых, в этот день полагается думать об умерших друзьях и близких и вести себя спокойно. Почему мы должны перенимать всё подряд?

Мама произносила перед папой свою обычную речь насчет Дня всех святых. И я, и папа прекрасно знаем, что она думает по поводу Хеллоуина / Дня всех святых, но ей просто необходимо кому-то это высказать. Папа тоже все знает, так что он время от времени произносит «угу» в ожидании, когда она закончит.

– А мне нравится Хеллоуин, – пробормотала я, больше из духа противоречия.

– Знаю, – проговорила мама, и у нее стал такой вид, словно ей немного стыдно. – Когда ты была маленькая, то так чудесно смотрелась в костюме тыквы. Наверное, я просто че-

ловек с устаревшими представлениями.

Она погладила меня по спине, и я опустилась на стул рядом с ней, потянувшись за йогуртом.

Она немного странная, моя мама. Странная, недобрая. Конечно же, она не любит Хеллоуин, но при этом не хочет испортить мне удовольствие. Так что она перестала рассуждать о Хеллоуине и пошла подлить себе кофе в чашку. Подгоревший кофе мою маму не остановит.

– Но я по-прежнему не люблю кровь! – заявила она, стоя у раковины. – Тебе ведь не нужна кровь?

– Нет-нет, – заверила ее я. – Кровь никак не входит в мои планы.

У меня даже в животе что-то перевернулось. По правде сказать, планов у меня вообще никаких не было. Школьная вечеринка по случаю Хеллоуина уже сегодня, а я еще не решила, кем наряжусь. Но я пообещала Санне, что приду. Молча сидя за кухонным столом, я мешала йогурт с хлопьями, размышляя, как быть, когда раздался краткий стук во входную дверь. Я догадалась, кто пришел, еще до того, как мама пошла открывать.

В прихожей появился Орест, мой одноклассник и собрат по мистериям. Сердце подпрыгнуло в груди – я так надеялась, что он принес лопату, карту и компас и готов идти в лес искать могилу Сильвии. Но оно снова упало, когда я заметила, что он даже не потрудился надеть куртку, чтобы перебежать через дорогу.

– Добрый день, – сказал он моей маме. – Можно сегодня попользоваться компьютером?

Мама кивнула и улыбнулась. Ей нравится Орест, да у них и впрямь много общего. Орест снял потрепанные кеды и аккуратно поставил в прихожей. Затем направился к лестнице, ведущей в подвал.

– Привет, Малин! – бросил он мимоходом. Ни слова о сеансе и привидениях. Хотя, наверное, так даже лучше – не упоминать об этом при папе и маме.

– Привет, Орест, – ответила я бесстрастно. Было бы здорово, если бы он предложил что-нибудь поделывать вместе. Все что угодно. Но теперь он приходит к нам только для того, чтобы воспользоваться одним из маминых компьютеров, которые стоят у нее в отдельной комнате в подвале.

Я уже подумывала наябедничать его маме. Мона согласна, чтобы он сидел у нас дома за компьютером.

Однако он не приносит с собой кусок оргонита³ (это такая штука, которая поглощает излучение), хотя и обещал ей это, и постоянно забывает пройти через очистительный лабиринт, установленный ею в саду. Так что тащит за собой всю ту негативную компьютерную энергию, которая, по мнению Моны, находится в нашем доме, прямо в их дом.

После завтрака, переодевшись в джинсы и толстовку, я все же спустилась на цыпочках в компьютерную комнату. Стро-

---

³ Оргонит – сплав металла и различных минералов с полиэфирной смолой; считается, что он обладает целебными свойствами.

го говоря, это склад в подвале – в комнате нет окон. Но мама – она ведь у меня программист – установила в подвале массу компьютеров, серверов и всякого такого. Она сидит в этой комнате, когда работает дома. А дома она работает часто. Иногда ей поневоле приходится работать ночью, чтобы общаться с коллегами, которые находятся в Японии. Иногда – потому, что ей ужасно нравится ее работа и она просто не может от нее оторваться. Она, как уже было сказано, немного странная.

Орест сидел в подвале при свете ламп с самым сосредоточенным видом. На нем были его обычный коричневый джемпер в катышках и потертые костюмные брюки. Но он хотя бы поднял глаза от экрана, когда я вошла.

– Привет, – сказала я.

– Привет, – ответил он.

– Что делаешь? – спросила я.

Орест просиял и заговорил очень быстро, как бывает, когда его что-то очень увлекает.

– Помнишь тот алгоритм, который должен был рассчитывать сверхбольшие простые числа? Он пока по-прежнему не работает; теперь меня интересует, не следует ли... – дальше он заговорил о продвинутой компьютерной программе, которую пытается создать.

Вот чем он занимается на маминых компьютерах. А не в игры играет и все такое, чем многие любят заниматься.

– Орест, – прервала я его. – Вчера. Сеанс. Дух. Камень

Сильвии.

– Ну да-а-а, – разочарованно протянул он и снова взглянул на монитор. – Ты ведь знаешь, что все эти сеансы – блеф?

Всё, что нельзя доказать, Орест называет словом «блеф».

– Я хочу сказать, никаких духов не существует! – продолжал он. – Поверь мне, я побывал на сотне сеансов! Просто сумасшедшие начинают говорить всякие странные вещи, чтобы убедить народ, что у них есть контакт с потусторонним миром, – а может, им и самим так кажется! Они верят, что созданное их фантазией существует на самом деле. Как моя мама.

В свете монитора его бледное лицо приобрело зеленовато-голубой оттенок. У него было характерное выражение «сейчас-я-все-тебе-объясню».

– Угу, – промычала я. Как и моей маме, когда она заводится по какому-нибудь поводу, Оресту тоже надо дать договорить. Весной, когда начались мистические события, он все время был убежден, что ничего особенного не случилось. Говорил, что всему есть естественное объяснение. Даже самому невероятному! Как, например, тому, что на найденной нами астроблесте оказалась стрелка в точности такой же формы, как родимое пятно на левой руке Ореста! Стрелка с чертой сверху. Неужели это случайное совпадение?

Как раз сейчас я заметила это родимое пятно, чуть ниже рукава джемпера, пока Орест все еще объяснял мне, почему не следует верить в визиты духов и что тот, кто говорит на

сеансе, на самом деле просто болтает наугад.

– Но подумай: вдруг мы найдем что-нибудь новенькое! – сказала я, когда Орест остановился перевести дух. – А если в прошлый раз мы не всё узнали о ребенке с лозой? А если нам все же удастся выяснить, как использовать астрольбию?

– Если бы я бежал в лес и копал там яму из-за каждой нелепости, сказанной друзьями или клиентами моей мамы, у меня не оставалось бы времени ни на что другое! – ответил Орест. И он, конечно, прав. Мона занимается такими странностями, что верить во все это не получается, как ни пытаться.

Но Оресту не удастся меня обмануть. Виду него обрадованный. Он повторяет свои аргументы, хотя знает, что на меня они не действуют. Он еще раз объяснил, как маловероятно, что все эти разговоры про камень Сильвии имеют отношение к нам, но меня не покидало ощущение, что он говорит все это скорее так, как играют роль.

«А вдруг все-таки, – подумала я, заметив крошечную, едва промелькнувшую улыбку на губах Ореста, – а вдруг все-таки Оресту тоже не хватает загадок и тайн!» Я как раз собиралась начать его уговаривать, когда из кухни донесся ужасный вопль.

Мама! Что там опять случилось?

Я кинулась вверх по лестнице, но, добравшись до середины, услышала, как мама смеется.

– Электра! Разве можно прижиматься вот так лицом к

стеклу! На секунду мне показалось, что это привидение!

Электра стояла, прижавшись снаружи носом к одному из больших окон нашей гостиной.

– Как ты меня напугала! – продолжала мама. Она открыла дверь веранды и впустила Электру в дом. Та тут же подбежала к кухонному столу, запустила пальцы в банку с медом и принялась их облизывать.

Само собой, мама накормила бы Электру завтраком, если бы тут же на лестнице не появился Орест. Виду него был смущенный. Как обычно, он отругал Электру за то, что она побежала за ним. Потом, отказавшись от бутербродов, повел сестру домой.

Я пошла к себе в комнату – репетировать партию виолончели для рождественского концерта. Я ее уже прекрасно знаю, потому что партия – в точности как в прошлом году. Но для рождественской атмосферы такое, думаю, всегда ко двору.

Само собой, не имело никакого смысла спрашивать Ореста, в какой костюм мне нарядиться для вечеринки в честь Хеллоуина. К счастью, задолго до начала ко мне зашла Сана.

Я так *обрадовалась*, когда она пришла! Она единственная из девчонок моего прежнего класса оказалась со мной в седьмом, поэтому мы с ней сразу сдружились. По-настоящему. Не просто общаемся в школе, а иногда и ходим друг к дру-

гу в гости. Звучит буднично, но это моя первая подружка с тех пор, как я ходила в садик – там-то для совместных игр достаточно было лишь того, чтобы родители захотели вместе выпить кофе. Подумать только! У меня есть подружка, которая хочет, чтобы я пошла на вечеринку! Иногда я начинаю нервничать: мне кажется, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой, и ей скоро со мной надоест.

Санна выглядела абсолютно сногшибательно. Лицо она раскрасила как вылитый череп, со швами и тому подобным. Однако череп получился симпатичный. К такому лицу она надела платье с розовыми розочками. Еще наколенники, налокотники и шлем. Ролики оставила в прихожей.

Я точно не знаю, как называется персонаж с черепушкой, в милой одежде и на роликах, но это явно круто. Пожалуй, в таком прикиде есть что-то японское.

– А ты в кого нарядишься? – спросила она с порога. Поняв, что у меня нет никаких идей, она заторопилась.

Санна очень изменилась с тех пор, как мы перешли в седьмой класс. До этого она была как бы милая и любезная, но не более, ее все любили, но особо не замечали. А теперь она стала такой девчонкой, на которую смотрят все. Каждый день наряжается, а не только на Хеллоуин. То вся в черном, как депрессивный хард-рокер, то вся розовая, в бантиках и рюшечках. Она вступила в какую-то группу в интернете, где участники каждый день выкладывают свои фотки – всегда в какой-нибудь новой одежде. Я так понимаю, это вроде со-

ревнования, кто придумает наряд побезумнее. И свой образ на Хеллоуин она планировала за несколько недель.

Санна распахнула дверцы моего шкафа.

– Хм... – пробормотала она, оглядывая мою одежду, небрежно висевшую на плечиках, и содержимое ящиков в шкафу. – Задача не из легких.

Она рылась в шкафу минут пятнадцать. Наконец повернулась ко мне, держа в руках две вещи. Красный джемпер с длинными рукавами и уродские шорты защитного цвета, которые папа купил мне на распродаже в надежде, что мы будем ходить в поход с палаткой.

Я ничего не поняла.

Полчаса спустя мои волосы усилиями Санны торчали во все стороны. Лицо было выкрашено белым, а вокруг глаз нарисованы большие черные круги.

– Ну так, ничего, – проговорила Санна с довольным видом. Еще и нарисовала мне губы ярко-красной помадой.

Посмотрев на себя в зеркало, я даже немного испугалась.

Глаза, обведенные черным, казались чужими и выглядели жутковато. Как нельзя лучше для Хеллоуина. Но я понятия не имела, кого я изображаю.

– Ты Эмма, разве не поняла? – воскликнула Санна.

– Какая Эмма? – удивилась я. Единственная Эмма, которую я знаю, училась в параллельном классе, и я на нее ни-сколечко не похожа.

– Эмма из Creepschool!⁴ Разве ты ее не помнишь? Классная девчонка. Строго говоря, на футболке должно быть признание, – сказала Санна. – Но, боюсь, уже не успеем.

Вместо этого она вырезала полоску материи из старого красного платка, валявшегося у меня в шкафу, и повязала мне вокруг шеи, как узкое красное ожерелье.

– Ну вот, – сказала она. – Теперь все о'кей.

– Но ведь никто не поймет, кого я изображаю! – запротестовала я. Впрочем, возмущалась я самую малость. Ибо девушка, которую я увидела в зеркале, показалась мне... интересной. Совсем не похожей на мое обычное заурядное «я», а тайным мистическим персонажем. Круче, смелее меня.

---

⁴ Creepschool – мультсериал, который мы смотрели в детстве. Речь там шла о детях, которые очутились в школе, где учились одни монстры, а директор был вампиром... точно, одна из учениц была девчонкой с пышной черной шевелюрой и подчеркнутыми глазами.

5

Ореста мы захватили с собой на вечеринку. Санна его вроде как усыновила – примерно так заботятся о потерявшейся собаке. Мне кажется, ей нравится, что он выглядит так, будто специально нарядился, хотя и ходит так каждый день. На нем всегда брюки от костюма, не джинсы. И тщательно выглаженные рубашки. А еще он носит не ранец, а портфель. К тому же у него самые темные глаза на свете, совершенно черные волосы и самое бледное лицо, какое только может быть у живого человека.

Я вообще не была уверена, что Орест собирается на хеллоуин-вечеринку. Вечеринки и дискотеки, похоже, не для него, и он только рассеянно кивнул, когда Санна сказала в среду, что мы-де пойдем все втроем.

Когда мы за ним зашли, он был в своей обычной одежде, но на это Санна, конечно же, и рассчитывала. Тут она вытащила из кармана два длинных белых пластмассовых клыка. Орест порозовел и пару раз взвесил клыки на ладони, но теперь он уже не мог не пойти с нами, раз уж Санна обо всем позаботилась. К тому же зубы подошли идеально!

– Круто! – сказала Санна. – Всегда такие носи.

И мы пошли.

Мы с Орестом живем совсем недалеко от школы. Так бы-

ло и раньше, когда мы еще ходили в старую школу. Когда мы учились в шестом классе, можно было просто пройти с задней стороны наших домов через дубовую рощицу, выйти на велосипедную дорожку – и ты уже пришел к школе средней ступени. Старшая школа, куда мы ходим сейчас, расположена по другую сторону улицы Альмекэррсвеген, ближе к железной дороге и шоссе, так что теперь нам идти в четыре раза дальше. И все равно дорога занимает всего минут десять!

На улице уже кишели мумии и монстры. Большинство – в дождевиках и под зонтиками, потому что моросил дождь.

В столовую набилось много народу. В основном семиклассники и восьмиклассники – ведь девятиклассники считают себя слишком взрослыми, чтобы ходить на школьные дискотеки с малышней. Почти все были в костюмах: в основном ведьмы и мумии или ножи, торчащие из голов, блестящие в разноцветных огнях светомузыки. Звучала какая-то песня, но мало кто танцевал. Пока все довольствовались тем, что поедали попкорн.

Мохнатая обезьяна отпрыгнула в сторону, притворившись очень испуганной, когда я, Санна и Орест направились к мискам.

– А-а, девчонка-привидение! – закричала она.

И стала ходить за нами, повторяя без конца:

– Девчонка-привидение! Девчонка-привидение!

В конце концов она запрыгала прямо передо мной и стала

издавать странные гортанные звуки, так что я уже и не знала, куда податься.

– Да ты чего, Малин, хватит дуться! – сказала вдруг обезьяна, и тут я поняла, что это Анте, одноклассник мой, Ореста и Санна.

– Что? Ты обезьяна? – изумленно выпалила я. И вспомнила то лохматое чудище из «Звездных войн», но не могла сообразить, как его звали.

– Я оборотень, ты не поняла? – разочарованно проговорил Анте. – У-у-а-а!

Он снова издал гортанный звук. Наверное, это был такой вой на луну.

– Ноу тебя самый крутой костюм! – продолжал он. – Девчонка-привидение! До чего же вы похожи!

– В смысле «девчонка-привидение»? – спросила я.

– Она Эмма из Creepschool, – вставила Санна. – Смотри!

Санна указала на мои зеленые шорты. Обезьяна ничего не поняла. Наверное, Анте не помнил этот детский мультик.

– Нет-нет, – и он потряс лохматой головой. – Та самая девчонка-привидение... Вы что, не знаете? Пошли, покажу!

Обезьяна вышла из столовой в коридор, а мы – Санна, Орест и я – последовали за ней, в основном потому, что у нас не было других дел.

Когда мы вышли из толпы, заполнявшей столовую, стало вдруг как-то странно тихо. Музыка доносилась слабо. Шко-

лы без учеников кажутся такими пустынными. Возникает ощущение, что все пропали по мановению волшебной палочки, словно там уже сто лет никто не появлялся.

Анте повел нас вверх по лестнице – в этой части здания я никогда раньше не бывала. Он остановился в длинном коридоре. Там было темно и жутко, пока Анте не нажал на кнопку, так что стало, пожалуй, даже слишком светло. Теперь я увидела, что на стенах коридора висят большие рамы, в которые вставлены классные фотографии, почти одинаковые. На каждой в три ряда стояли ученики.

Такие же фотографии есть и при входе в столовую. Там можно увидеть фото и нашего класса, и других, кто учится в школе сейчас. Но тут, наверное, старые – эти ребята, скорее всего, давно закончили школу.

– Смотрите, – сказал Анте. – Здесь все старые фотки... тех, кто ходил в эту школу много лет назад. Зацените, какие прически!

Он указал на снимок, где у всех без исключения были косяе челки.

– Ты хотел мне что-то показать, – напомнила я. – Прически?

– Не-а, – ответил Анте. – Вот она. Я подумал, что ты в нее нарядилась!

Своей мохнатой лапой Анте указал на одну из фотографий в самой последней рамке. Видимо, она была снята относительно недавно, потому что там на всех были вполне нор-

мальные прически и одежда. За исключением одного человека.

Эта девушка стояла в первом ряду. Вся в черном, и, конечно же, никаких шорт, так что не очень-то похоже на мой костюм Эммы из Creepschool. Но я сразу поняла, что имел в виду Анте, когда взглянула на ее волосы – они у нее темнее, чем у меня, и ей удалось сделать так, чтобы они торчали во все стороны, и макияж такой же – большие черные круги вокруг глаз. Она была очень серьезная, смотрела прямо в камеру, и лицо казалось решительным на фоне обычной смеси заученных улыбок и искреннего смеха.

Я пожала плечами.

– О'кей, – сказала я. – Пожалуй, волосы немного похожи.

– Просто одно лицо! – выпалил Анте.

Мне показалось, что он преувеличивает. Не понимаю, что в этом странного, если кто-то, учившийся в этой школе раньше, рисовал себе черные круги вокруг глаз. Случаются вещи и поудивительнее!

– Так ты не в курсе, кто это? – спросил Анте.

Я покачала головой. Откуда мне это знать?

– Это же та девчонка, которая пропала. В прошлом году она училась в девятом и просто исчезла в разгар осеннего семестра. Месина ее звали...

Словно холодная рука сдавила мне сердце. Я почувствовала, что побледнела.

– Она пропала в разгар учебы... ее родители обыскали

всё... и полиция, конечно. Но ее так и не нашли!

– Это она? – Орест подошел ближе и указал на фотографию.

– Да, – ответил Анте.

– Точно? – громко переспросил Орест.

– Да, я же сказал! – с раздражением буркнул Анте. Пожалуй, он слегка переборщил со своей шуткой. Вместо того чтобы обратить внимание на него, мы с Орестом стояли, уставившись на снимок.

– Так ее зовут *Месина*? – переспросил Орест. Вероятно, ему нравится, когда у кого-нибудь имя необычное.

– Месина Молин. Некоторые говорят, что она пропала здесь, в школе, что ее заперли в каком-то шкафу... и никто ее так и не нашел!

Анте рассказывал все это, придав голосу хрипотцы. Наверное, чтобы звучало пострашнее.

– Она умерла и теперь бродит как привидение... Здесь! Пока кто-нибудь ее не найдет!

Он остался весьма доволен произведенным эффектом, заметив, что я на грани обморока. Но испугалась я вовсе не привидений в коридорах школы. Испугалась я другого: я-то точно знала, что произошло с Месиной Молин.

Прошлая осень – перед тем как я получила то загадочное письмо – была далеко не самым радостным периодом в моей жизни. Папа сильно болел, мама ходила ужасно грустная, я чувствовала себя бесконечно одинокой и начала переписываться в сети с человеком, называвшим себя Оракулом Сивиллой. Это было потрясающе. Все равно что найти лучшего друга. И у Оракула Сивиллы всегда находилось время меня выслушать. Ей было не все равно, и у нее на все имелись ответы. Я писала ей очень много. Рассказала все о себе, о чем думаю, какая у меня жизнь и чем занимаюсь. Оракул Сивилла постоянно говорила мне, что я должна все бросить – школу, родителей – и просто приехать к ней. Она говорила, что я нужна ей, что мне суждена важная миссия.

Но вот однажды к нам в дом заявили полицейские. Они рассказали, что Оракул – это мошенник, обманывающий людей, и что одна девушка, на пару лет старше меня, которая тоже переписывалась с ним, уже пропала. Это было так страшно! Я чувствовала себя полной дурой. И мама, когда все узнала, с тех пор так тревожилась за меня, что вообще не хотела разрешать мне пользоваться интернетом.

А если бы я продолжала переписываться с Оракулом? Если бы я тоже пропала? Теперь я поняла, что девушка на фотографии – Месина – и есть та, которая сбежала к Оракулу.

Тогда-то и выяснилось, что Оракул Сивилла вовсе не Сивилла. Это человек по имени Эйгир, и он сумасшедший отец Электры! Именно Эйгир гонялся весной за мной и Орестом, пытаясь заполучить письма Акселя, но прежде всего астрольбию и ребенка-лозоходца, то есть Электру. Эйгир верит в потусторонние силы и всякую мистику, в точности как Мона, но он не такой добрый, как она. Эйгир хочет научиться управлять магическими силами, чтобы подчинить себе других. «На людей ему вообще плевать», – говорит Орест. Орест ненавидит Эйгира и его пособников еще больше, чем всякие выдумки Моны. Но с конца лета Эйгир лежал в коме – с тех пор как попытался применить астрольбию и получил мощный электрический разряд. Так что он просто спал себе в больнице, не просыпаясь. А вот Месина, судя по всему, домой так и не вернулась.

Орест все расспрашивал и расспрашивал. Сколько лет было Месине? Где она жила? Чем занимались ее родители?

Словно Анте мог знать все на свете про эту девчонку – только потому, что попытался напугать нас дурацкой историей про привидения.

– Пошли обратно на вечеринку, – я потянула Ореста за руку. Он упирался, но я не отступала. Мне не хотелось оставаться в этом коридоре. При одном только взгляде в серьезные глаза Месиной на фотографии меня охватывало жутко неприятное чувство.

«На ее месте могла бы быть я», – вертелось у меня в голове. С таким же успехом я сама могла пропасть и никогда не вернуться, а в школе обо мне рассказывали бы всякие страшилки.

Мы чуть не забыли в коридоре Санну, которая стояла и снимала все на свой мобильник.

– Шмотки-то у них отпадные! – заявила она. После каникул она наверняка будет одеваться по моде девяностых несколько недель подряд.

Потом мы вернулись на дискотеку, она обошла всех, фоткая костюмы. Больше всего ей понравился страшный персонаж в коричневом плаще с большим капюшоном, натянутым на лицо, – разговаривать он отказывался.

Когда шли домой, полил дождь. Макияж черепа на лице у Санны размазался и стекал по щекам, но ей повезло: ее мама приехала на машине и забрала ее неподалеку от наших с Орестом домов.

– Пока! – крикнула Санна и нырнула в машину.

Мы с Орестом перешли дорогу и углубились в тупик, где оба живем.

Орест тут же заговорил.

– Должно быть, это та самая девушка, которая пропала, – сказал он. – Эта Месина. Куда же она делась? Интересно, что такого Эйгир сказал, чтобы убедить ее? Может, ты знаешь...

– Прекрати! – сказала я. Вернее, почти закричала. Орест замер и уставился на меня. Мне не хотелось отвечать так рез-

ко, но по-прежнему было тяжело при мысли, что Эйгир сумел так меня надуть. Стоило лишь подумать об этом, как меня пробирала дрожь. Больше всего на свете мне хотелось забыть ту осень. Страшно подумать, что Эйгир – то есть Оракул – начал писать мне за несколько месяцев до того, как я познакомилась с Орестом и Электрой. Почему он связался именно со мной? Что во мне такого особенного? Или в ней, в Месине?

– Перестань, – снова сказала я, на этот раз спокойнее. – Я просто не хочу об этом говорить, о'кей?

Орест продолжал тарашиться на меня. Вид у него был такой, словно он хотел что-то сказать, но потом все же сдержался. Мне не хотелось, чтобы он подумал, будто мы поссорились. Так что я решила заговорить о том, о чем мне *хотелось* поговорить.

– Послушай, Орест, – начала я. – Вся эта история с камнем Сильвии...

– Не стоит никакого внимания, – ответил он и передернулся. – Знала бы ты, какую ахинею народ несет на этих сеансах. А тетка, которая это сказала, – это же Герда, прабабушка Анте. У нее ведь собаку зовут Сильвия. Наверняка она имела в виду что-то про собаку.

– Конечно, – ответила я и постаралась не обращать внимания на дождь, давно уже ливший мне прямо за шиворот. – Но послушай: завтра я собираюсь на могилу Сильвии, понятно? Что бы ты на это ни сказал. Ты со мной?

Орест повернулся ко мне. И улыбнулся так, что сверкнули все его вампирские клыки.

Вернувшись домой, я посидела с мамой и папой и посмотрела телевизор, пока волосы постепенно сохли. Мама испекла свой знаменитый пирог с карамельной начинкой, и я схватилась за лопаточку для торта.

– Не забудь мне оставить! – сказал папа, хотя мама утверждала, что он уже съел три куска.

«А что, если бы я послушалась Оракула, как Ме-сина?» – думала я, пока карамель таяла во рту. Если бы я сбежала из дома и не вернулась. Пропала, и все. Тогда мама с папой не сидели бы на диване и не расслаблялись бы в субботу вечером. Сидели бы одни и ждали, ждали меня, пока не иссохли бы с тоски. Я растянулась на диване и положила голову маме на плечо, а ноги – папе на колени.

– Ух ты, – весело проговорил папа и похлопал меня по щиколотке. – Какие ноги отросли у этого ребенка!

– Да уж, ноги у нее длинные, – ответила мама, обнимая меня.

И мы продолжали смотреть какую-то музыкальную викторину, в которой участвуют всякие звезды, которых никто не знает. Мама то и дело засыпала, но всякий раз, когда папа выкрикивал названия песен и имена артистов, о которых спрашивали в викторине, вздрагивала и просыпалась. А я весь вечер лежала поперек, словно мост, соединяющий маму

и папу.

Мы с Анте типа друзья. Или даже не знаю. Мы с ним с первого класса учились вместе, но он всегда был крутой и прищипывающий одновременно: из тех, на кого невольно обращаешь внимание, пробыв в классе всего пару минут. А я всегда была... самая обыкновенная. По крайней мере, не крутая. Но мне все равно показалось, что мы с ним типа подружились, когда он в начале июля заявился к нам домой. В один прекрасный день он вдруг нарисовался на нашем крыльце.

– Здорово, – сказал он.

– Привет, – сказала я.

– Просто хотел спросить: как там твой папа? С ним все в порядке, да?

В этом вопросе не было ничего странного. В последний раз мы виделись среди ночи в канун дня летнего солнцестояния. Тогда Анте остался стоять у железнодорожных рельсов в Нэсе вместе с Орестом, Электрой и Моной, а я уехала с папой в больницу на скорой помощи. В той же машине лежал и Эйгир – или Оракул, папа Электры. И он, и мой папа были без сознания после того, как получили мощный удар током от плазмы, образовавшейся, когда я держала в руках астроблюбу. Эйгир, по-моему, сам виноват – ведь это он сорвал электропровода над железной дорогой и похитил Электру, а папа просто хотел спасти меня.

– Он в порядке, – проговорила я. Голос прозвучал странно

– у меня всегда что-то в горле сжимается, стоит мне вспомнить, как папа кинулся прямо в круг пылающего электрического огня, чтобы спасти меня от Эйгира. – Он получил удар током, так что его кардиостимулятор слегка подпрыгнул. Когда его привезли в больницу, ему полегчало.

У моего папы порок сердца, поэтому в его тело вшит специальный аппарат под названием кардиостимулятор, который заботится о том, чтобы сердце билось как надо. Таким, как он, удары током совершенно противопоказаны.

– Ну вот и хорошо, – с облегчением ответил Анте. Наверное, не так-то легко пойти к человеку в гости, чтобы спросить, типа, жив ли там еще папа. – А тот второй – кто это был? Папа Ореста или кто?

– Это не папа Ореста, – объяснила я. – Это папа Электры. В смысле, папа младшей сестры Ореста.

Хотя тут до меня дошло, что я точно не знаю. А вдруг Эйгир и папа Ореста тоже? Просто Орест не в курсе.

– Он... он в коме. То есть он все еще в обмороке, и врачи не знают, очнется ли он вообще. И если очнется, то когда.

– Ах черт! – сказал Анте.

– Хотя в этом нет ничего... – начала я и запнулась. – То есть...

Ведь это прозвучало совершенно немислимо – дескать, нет ничего плохого в том, что этот Эйгир лежит в коме. Потому что он ведь это заслужил.

– Он совершенно сумасшедший! – выпалила я. – Он пы-

тался похитить Электру!

– Но зачем он оборвал электрические провода? И что за странную блестящую штуку держал в руке?

– Звездные часы... – проговорила я, не успев подумать, и тут же прикусила язык, чтобы не проговориться.

Я не хотела рассказывать Анте об астробии, которую нашли мы с Орестом. Что бы он обо мне подумал, начни я ему рассказывать об инструменте, управляющем земными и небесными силами!

– Он просто сумасшедший, – повторила я, пытаясь придумать что-нибудь умное, чтобы успокоить Анте, ничего ему не рассказав. – Он считал, что при помощи этой старинной штуки можно находить земные силы или что-то типа того... и что Электра может ему в этом помочь. Полный бред! – сказала я и покачала головой. Я надеялась, что по мне не заметно, что я верю: Эйгир был прав! По крайней мере, мне очень хотелось в это верить.

– А что это за штука такая?

– Просто старая штуковина, которую случайно нашли мы с Орестом. Ничего особенного.

Абсолютно ничего особенного! Просто магический, бесценный, совершенно уникальный инструмент – который я к тому же отдала Эйгиру, потому что он меня обманул. В очередной раз. Никогда больше не дам себя обмануть таким, как он.

– Можно мне на нее посмотреть?

Ах да, Анте же обожает старинные штучки!

Видел бы он те, которые мы находили, – те, что Аксель использовал в виде подсказок для поисков астрольбии.

– Я не знаю, куда она делась, – ответила я. Это была истинная правда. Орест спрятал астрольбию и отказывался говорить мне, где она.

Он собирался продать ее за большие деньги, чтобы съехать из дома, как только ему исполнится восемнадцать.

– О'кей, – произнес Анте, поскольку я больше ничего не говорила. – Ну что, идем купаться?

Только в первом разговоре Анте спросил меня, пойду ли я купаться. Когда он понял, что у меня самый старый мобильный телефон на свете и я пропускаю все, о чем другие договариваются в чатах, он начал присылать мне эсэмэски каждый раз, когда ребята из моего бывшего класса собирались купаться в озере Стамшён или Аспене. И я отправлялась с ними – не всегда, но довольно часто.

Сколько раз я спрашивала Ореста, не хочет ли он пойти с нами к озеру, но он всегда отказывался. Почему – не знаю.

Вместо этого он часами просиживал один в маминой компьютерной комнате в подвале. Он обожает мамины компьютеры. И маму тоже, как мне кажется. Но когда у нас нет загадки, ответ к которой нам предстоит вместе подобрать, – я вовсе не уверена, что его интересую я. Он ходит с нами, только если его заставляет Санна.

Но теперь... Теперь загадка снова есть. По крайней мере, я очень на это надеялась.

А что, если мы ничего не найдем под камнем Сильвии? А что, если все окажется так, как сказал Орест: что у прабабушки Анте голова слегка закружилась в темноте среди горящих свечей, вот она и понесла всякую ерунду? Нет никаких доказательств, что земные токи и звездные поля действительно существуют.

Аксель, который написал для нас свои старые письма, искал эти токи и поля всю свою жизнь. Он послал нам старинную карту Лерума, где обозначил линиями те земные силы, которые ему удалось обнаружить. Но он так и не смог ни на что их употребить.

Еще с лета я всегда ношу с собой копию этой карты. По ней волнами проходят линии: они не прямые, а извиваются каким-то невероятным образом. Линии Аксель пометил буквами, а места их пересечения назвал перекрестьями силовых линий. Возле таких перекрестий (например, крест АБ – это точка пересечения на карте линии А и линии Б) земные токи должны быть особенно сильны. Поэтому, когда я попадаю в такое место, где пересекаются линии на карте, я пытаюсь выяснить, нет ли в этом месте чего-нибудь необычного.

Пока я опробовала следующее:

1. Исследовать силовой крест при помощи лозы – двух скрещенных ивовых веток. Это я проделывала на перекре-

стях ПГ, АД и РП.

Результат: ничегошеньки.

2. Обследовать земные токи, используя в качестве маятника мою серебряную цепочку. Это я пробовала на перекрестках ГС, МН и ММ.

Результат: маятник, конечно, ходит туда-сюда. И каждый раз я жду, что произойдет нечто магическое или необычное. Но если говорить совсем уж честно, то...

Результат: ничегошеньки.

3. Ощутить земные токи, просто закрыв глаза и пытаюсь слиться с природой. Это я пробовала делать у многих перекрестий.

Результат: прохожие думают, что я сошла с ума. В целом: ничего.

Но я не отчаиваюсь!

Всю ночь шел дождь. К утру воскресенья, когда я постучала в дверь Ореста, лить перестало, но было ужасно сыро. Небо оставалось серым, и даже табличка Моны о гелионавтике смотрелась уныло – вода с нее так и капала.

– Входите! – донеслось из-за двери, и я вошла в прихожую. Тут я увидела Мону. Она стояла на голове, прислонившись к стене в гостиной. – Привет, Малин! – сказала она с перевернутой вверх ногами улыбкой.

Уж не знаю, как она этого добивается, но, приходя к Моне, всегда чувствуешь, что тебя тут ждали. Даже когда она сама стоит на голове. Она легко вернулась в нормальное положение и подошла ко мне. На ней были просторная серо-зеленая рубашка и широкие узорчатые брюки. Длинные волосы собраны в большой небрежный пучок. Хотя она только что стояла на голове, лицо у нее сияло, как обычно, и, когда она улыбнулась, вокруг глаз образовались мелкие добрые морщинки.

– А, вот и ты... – проговорила она. Сперва осторожно хлопала меня по плечу, но потом взяла за подбородок и долго рассматривала.

За последнее время я успела привыкнуть к Моне и больше не замираю неподвижно, когда она начинает меня столь пристально изучать. Насколько я понимаю, она поступает так с

людьми, которые приходят к ней, прося помощи в разных делах. Она смотрит на них очень внимательно. И долго-долго выслушивает. После этого ей становится ясно, что им нужно: травяной чай, или кристалл, или же она раскладывает перед ними карты из какой-то странной колоды, или что-нибудь еще.

– Много существует путей, малышка Малин, – прошептала она на этот раз. – Много путей есть у маленькой рыбки.

Когда она произнесла слово «рыбка», я буквально подпрыгнула. Как я уже говорила, я действительно Рыба – родилась в марте под созвездием Рыб. Само собой, Моне это известно, она знает все о гороскопах и подобных вещах. Но странно, что в последнее время слово «рыба» и сами рыбы появляются везде и повсюду. Гораздо чаще, чем обычно.

Прежде чем Мона успела сказать что-нибудь еще, из своей комнаты вышел Орест.

– Мы пошли гулять, мама, – сказал он.

Мона кивнула.

– Электра спит, – продолжал он, надевая сапоги. – Ты ведь приглядишь за ней, да?

– Ясное дело, – улыбнулась в ответ его мама. – Идите гуляйте.

Орест серьезно посмотрел на нее. Чересчур он волнуется за младшую сестру. Хотя не так уж это и странно, учитывая, что Эйгир пытался ее похитить. И хотя сейчас Эйгир в больнице, Орест подозревает, что в его шайке есть другие и они

мечтают добраться до Электры. Те, кто верит, что она действительно избранный ребенок, и хочет использовать эти ее сверхъестественные способности.

А Электра к тому же еще и постоянно сбегает.

– Смотри за ней! – сказал Орест.

– Да-да, – ответила его мама.

И мы пошли.

От дома Ореста – напрямик на лесную тропинку, потом перешли велосипедную дорожку и углубились в лес, идя вдоль ручья. На этот раз я не забыла надеть резиновые сапоги, и на Оресте были его высокие зеленые. Это оказалось очень кстати. Дорожка была покрыта мокрыми листьями и сырыми скользкими корнями. Кусты и деревья стояли почти голые и были влажного красно-коричневого оттенка, какой совсем не похож на тот зеленый грот, по которому мы ходили здесь летом. Но листья под ногами оставались ярко-желтыми и сияли, как золотые монетки.

Орест нес на плече лопату, и я ужасно обрадовалась, увидев ее, потому что все вдруг снова стало как весной. Наконец-то нам предстоит разгадать еще одну загадку. По крайней мере, я очень на это надеялась.

Камень Сильвии – это, должно быть, камень с надписью «СИЛЬВИЯ», тот, что находится у заброшенного хутора в лесу, как раз в том месте, где мы весной нашли звездные чаши.

Доски деревянного настила были промокшими и скользкими. Вода в ручейке неслась с бешеной скоростью – похоже, дожди превратили его в бурную реку. Я остановилась на мосту и глянула в воду.

– Ой, рыбка, рыбка! – крикнула я, заметив маленькую красно-коричневую рыбку, промелькнувшую у самой поверхности воды.

– Да, надо же... – ответил Орест, но на него это не произвело столь сильного впечатления. Наверное, он подумал, что рыбы здесь водятся всегда. Но я-то прожила здесь всю жизнь, тысячу раз переходила этот ручей и *никогда* раньше не видела тут рыб. Никогда!

По другую сторону ручья земля оказалась еще мокрее, а тропинка, по которой мы шли, совсем сузилась и стала почти незаметной, петляя между деревьями.

Меня охватила радостная дрожь, когда мы нашли камень, служивший некогда ступенькой крыльца старого хутора. Мне нравится смотреть на этот камень с его серой неровной поверхностью и думать, что кто-то, живший здесь много лет назад, сидел на нем, слушая плеск ручейка. Неподалеку – то самое дерево, где Аксель больше ста лет назад вырезал в коре буквы СРЖБХРЪМ. Подойдя к дереву, я погладила его рукой. Именно здесь, в земле под ним, мы весной и нашли астрорябию.

А шифр, СРЖБХРЪМ, должен был сообщить нам название важного места – того, где можно применить астрорябию.

Но, чтобы разгадать шифр, надо знать имя избранного ребенка, которое и есть ключ к шифру. Аксель использовал шифр, который называется шифром Виженера, и мы с Орестом изучили его. Если вы хотите узнать, как написать послание шифром Вижинера, то я вставила его в конец этой книги.

Как я уже рассказывала, поначалу мы думали, что дитя-лозоходец – это Орест, и при подстановке имени Орест СРЖБХРЪМ превратилось в ГТБРГВКЗ – вокзал Гётеборга. Но потом мы поняли, что дитя-лозоходец – на самом деле Электра, а при подстановке имени Электра код СРЖБХРЪМ давал «ЛИНИИКИД», то есть пересечение линий К и Д на карте Аксея. Это место находится возле Нэса в окрестностях Лерума – именно там и произошло все это с Эйгиром и папой.

А я еще с лета нахожу везде буквы FISC⁵. Или же рыб, как только что под мостом. Это что-то значит? Или ничего не значит? Прямо не знаю, что и подумать.

Но точно знаю, что *именно эти буквы* вырезаны на астролябии. «*Fides SCentia*» — вот что написано на одной стороне астролябии, и это означает «Вера и наука».

Все это было так странно, что у меня буквально голова шла кругом, стоило мне подумать об этом. Тогда уж лучше поискать камень Сильвии – про него нам по крайней мере известно, что он существует на самом деле.

---

⁵ Эта аббревиатура созвучна шведскому fisk – «рыба».

Так мы довольно долго бродили, пиная листья, и наконец я нашла.

Камень был небольшой, четырехугольный и гладкий. На его поверхности виднелись выбитые, стершиеся от времени буквы: СИЛЬВИЯ.

Я смахнула все коричневые и желтые листья, и текст стал виден целиком. Потом Орест сгреб лопатой траву и землю вокруг.

– Фу, – пробормотала я. – А если там лежит что-то жуткое?

– Оно там лежит, – ответил Орест, серьезно глядя на меня. – Мертвая собака. Герда же рассказала нам. Здесь ее дедушка похоронил первую собаку по имени Сильвия. Ту, которая принадлежала Акселю, пока он не пропал.

Мне не очень понравилась перспектива выкопать мертвую собаку, хотя конкретно эта умерла более ста лет назад. От нее, небось, и скелета уже не осталось. Но еще жутче мне становилось, когда я вспоминала мощный голос, прозвучавший во время сеанса. В нем было что-то нечеловеческое – невозможно представить, чтобы старушка Герда сама могла издавать такие звуки.

«Ищите в земле, – сказал нам голос. – Ищите под камнем. Под камнем Сильвии».

Я поежилась. Мне вдруг показалось, что кто-то наблюдает за нами. Может быть, какой-нибудь дух!

Но тут Орест засунул лопату под край камня и приподнял

его.

– Держи! – сказал он. Я наклонилась. Когда я откинула камень в сторону, мы увидели четырехугольник коричневой влажной земли – посреди прошлогодней травы и желтых листьев. Словно темно-коричневое пятно.

Орест вопросительно посмотрел на меня. Я кивнула.

Он воткнул лопату в землю, чтобы подцепить верхний слой земли.

Кто знает, до какой глубины нам придется копать?

Но уже после первой порции земли, вынутой при помощи лопаты, я увидела в яме что-то не похожее на камень. Что-то четырехугольное.

– Осторожно! – крикнула я. Разгребла землю и вскоре почувствовала под пальцами нечто твердое и холодное. Это была почерневшая металлическая шкатулка. Осторожно стряхнув с нее землю рукавом куртки, я попробовала открыть крышку.

Шкатулка была заперта.

У нас в руках новая загадка.

8

Камень мы, естественно, положили на место. Хоть там и похоронена всего лишь собака, нам показалось важным вернуть все как было. Мы утоптали землю вокруг камня, а потом я посыпала могилу листьями, чтобы скрыть следы нашего пребывания. Шкатулку я несла в руке всю дорогу до дома. Она буквально жгла мне пальцы.

Неужели в ней новое сообщение от Акселя? Но ведь он пропал! Отправился однажды в лес и больше не вернулся – так рассказала Герда. Может быть, именно здесь он проходил в последний раз, ища Сильвию? Здесь, в лесу, вдоль ручья, где листья по-прежнему желтели, но скоро все увянет и потемнеет... Я глубоко вдохнула полный запах осенний воздух и почувствовала, как уже не раз бывало раньше, что в лесу мы не одни. Хотя я знала, что Сильвии нет рядом, но буквально ощущала ее присутствие. Как она естественно сливалась с природой – с землей, небом и всем остальным. Когда я сказала об этом Оресту, он даже, вопреки обыкновению, не стал возражать. Только посмотрел на меня и широко улыбнулся, что с ним иногда случается – и тогда в его темных глазах мне чудится звездопад. Наверняка он не ощущает того, что ощущаю я, – а мне показалось, что я буквально вижу Сильвию, когда в кустах зашуршало. Что-то светлое промелькнуло и исчезло. Но это наверняка была просто птица.

Когда мы почти дошли до дома Ореста и уже повернули на дорожку, ведущую к его участку с грядками Моны, до нас донесся голос.

– Прочь, сгинь, уходи! – пел он. – Прочь, сгинь, уходи!

Орест нахмурился и ускорил шаг.

Мона шла вдоль границы участка и рассыпала что-то горстями из маленького голубого тканевого мешочка, который держала в руках. Горсть туда, горсть сюда.

Мы остановились на краю участка, где начиналась первая грядка, и Мона прошла мимо, даже не поздоровавшись. Но у самой грядки она остановилась, подняла предмет, лежавший на земле, – серый, прямоугольный – и особенно тщательно сыпала его этим-чем-то-таким, а потом поставила в угол грядки. Думаю, это один из тех кусков оргонита, которые защищают от всего плохого. Затем она пошла дальше, напевая, рассыпая горсти порошка из мешочка в такт своим шагам.

Только добравшись до угла дома, она замолчала. Сложила ладони вместе и поклонилась своим грядкам.

Потом она подняла на нас глаза и улыбнулась. Пучок волос у нее на голове съехал на сторону: теперь он сидел уже не на затылке.

– Привет! – крикнула она нам. – Я просто должна была закончить с этим.

– Что случилось? – строго спросил Орест. – Где Электра?

– Хм... э... кто-то приходил сюда и убрал все таблички, –

проговорила Мона с обычным спокойствием. Она указала на таблички, беспорядочно сваленные в кучу. Они были деревянные, с надписями типа «Дигиталис» или «Переменчива, как луна». Для меня все это было китайской грамотой, но, по-моему, они указывали, что именно растет на грядках.

– Где Эле... – снова начал Орест, но в этот момент из-за угла дома выглянула Электра, которая играла в какую-то свою игру: наполняла ведро листьями, а потом высыпала их.

Мона не обратила на него внимания.

– Конечно, я и без табличек знаю, где и что посадила, – проговорила она. – Однако это безобразие.

– А что в мешочке? – спросила я.

– Обычная соль, – ответила Мона и улыбнулась. – Соль помогает от всего!

Мы помогли Моне воткнуть таблички обратно в землю и откатить стеклянные шары – белый и синий – на предназначенные им места в огороде. Уж не знаю, какая польза от этих шаров, но они очень красивые.

Призвание Моны – смешивать из различных засушенных растений чай, который «как раз то, что тебе сейчас нужно». Что именно тебе сейчас нужно, она, похоже, догадывается сама, потому что никогда не спрашивает. Мне она всегда заваривает куркуму. Это не особо вкусно, но я уже привыкла. Оресту достается мята, потому что она помогает от головной боли, как говорит Мона. Чаще всего мы пытаемся как-

нибудь уклониться от чая. Но сейчас, поскольку оба были промокшие и продрогшие, а сухарики с кардамоном у Моны супер-вкусные, послушно поплелись за ней в кухню.

Дома у Ореста очень уютно. Я уже рассказала о загадочных бесполезных предметах Моны, расставленных по всему дому. Статуи богов с множеством рук, камни странной формы, блестящие стеклянные призмы и кусочки ткани. Но еще уютнее оттого, что весь пол в гостиной застелен, как лоскутным одеялом, разными красными и зелеными ковриками, так что паркета под ними вообще не видно. Большие окна, обращенные в сад, заставлены горшками с цветами. Их красные и зеленые листья почти совсем заслоняют стекла. Кажется, что ты в джунглях.

Мебель старая и потертая, но везде мягкие подушечки – и на диване, и на полу, так что всегда есть где сесть и удобно устроиться. В кухне подушек меньше, зато на шкафах разложены пучки растений. А на плите или столешнице всегда стоит что-нибудь новенькое: пытящие горшочки с мазью, которая пахнет очень вкусно либо же совсем отвратительно, или кучка грибов на засушку, или ведро краски.

Обычно здесь царит беспорядок. Как сегодня, например, когда в мойке и вокруг нее сложено множество камней различной формы и разных размеров. Одни – обычные неровные серые камни, другие – круглые и гладкие, словно их обточило морем, а третьи – сверкающие остроконечные кристаллы.

Мона дала нам по большой глиняной кружке с чаем и поставила на стол блюдо с вкуснейшими сухариками.

Половину немедленно загребла Электра неожиданно быстрым и ловким движением маленькой ручки. После этого она сидела, довольная, под столом со своим любимым медвежонком и хрустела сухариками. Мона только рукой махнула. Отойдя к мойке, она принялась ополаскивать многочисленные камни под струей воды.

Я грела пальцы о горячую чашку.

– В общем, началось, – мрачно произнес Орест, едва я отпила первый глоток.

– Что такое? – спросила я, тут же произнеся одними губами: «Не сейчас!» Не можем же мы говорить о своей находке при Моне! Это же тайна! Что ему взбрело в голову?

Он, взглянув на меня, покачал головой. Только тут я поняла, что он обращается к своей маме, стоящей спиной к нам у мойки!

– Короче, мам... теперь началось и здесь! – продолжал он. – И здесь все будет в точности так же, как и всюду, где мы жили раньше.

– Что? – перебила я. – Что будет, что началось?

Орест пробормотал:

– В общем, короче... понимаешь ли, когда мама начинает эти свои штуки... всегда появляются люди, которым это не нравится. И они начинают ей вредить.

Наверняка таблички снес кто-нибудь из таких... Но, по

крайней мере, на этот Хеллоуин нас хотя бы яйцами не закидали!

Последнее Орест произнес громче, явно в расчете на маму. Он размешал сахар в чашке.

– Или эта записка, которую я нашел в почтовом ящике на прошлой неделе... Там было одно слово: «Ведьма».

– Это, знаешь ли, просто невежество, – проговорила Мона. Оторвавшись от ополаскивания камней, она обернулась к Оресту. – Не стоит обращать внимания.

– Но ты могла бы заняться чем-то другим! Работать в больнице или в доме престарелых, – вздохнул Орест. – Там тоже можно помогать людям.

– Хм, ну да... – тихо проговорила Мона. – Но ведь есть и те, кто ценит мою работу! Сегодня у меня весь вечер забит – встречи по кристаллотерапии!

Орест поморщился. Когда Мона снова отвернулась к мойке, он спросил одними губами: «Можно я побуду вечером у вас?»

Я кивнула. Но на глазах у меня выступили слезы – от горячего чая.

– Невероятно, – буркнул Орест, когда мы ушли в его комнату, закрыв дверь. Он сел за письменный стол, а я, как обычно, на его идеально застеленную кровать.

Комната Ореста выглядит так, словно она существует отдельно от остального дома. Здесь нет никаких бесполезных

предметов. Кругом чисто, голо и все в образцовом порядке.

– Просто невероятно, что находится столько людей, желающих прийти на кристаллотерапию! – выпалил он. – А на прошлой неделе в дверь позвонила одна девушка и спросила, не возьмет ли мама ее на практику! Говорит, учится в гимназии. Я ее не пустил, сказал, что мама таким не занимается. На практику! Как она себе представляет, что она напишет в школьном отчете о практике? Профессия: полное безумие!

Орест терпеть не может почти все, чем занимается его мама. Я его понимаю. Когда у него болит голова, ему дают чай из мяты и никогда – обычную таблетку от головной боли. Ему нельзя пользоваться телевизором, мобильником или компьютером – мама считает, что от всех этих вещей идет опасное излучение.

Однако не любить Мону все же очень трудно. Так что я обычно просто даю Оресту выплеснуть свое недовольство, когда ему требуется.

Но вот он замолчал, и я поставила на стол шкатулку, которую мы нашли.

Наконец-то.

У черной шкатулки были мягко скругленные углы и ручка на крышке. Под крышкой виднелась маленькая замочная скважина. Но, к сожалению, ключ отсутствовал – а шкатулка, естественно, была заперта.

Я не сомневалась, что внутри лежит письмо. Тонкие по-

желтевшие листки с текстом, напечатанным на пишущей машинке. Именно такое письмо мы нашли весной.

– Может быть, ее разбить? – предположил Орест. Он подергал крышку, потрогал пальцами петли, у которых был закругленный край с кнопкой сбоку. – Или выломать петли?

– Не-е-ет! – выпалила я. – Прекрати!

Мне совсем не хотелось ломать красивую старинную шка-тулку.

– Тогда, может быть, вскрыть замок? – предложил Орест.

– Вскрыть?! – я удивленно уставилась на него. – Ты хоть знаешь, как это делается?

– Нет, не особо, – ответил Орест. – Но, возможно, у замка весьма простая конструкция. Если взять тонкий металличе-ский предмет...

Орест открыл один из ящиков своего стола. Там у него хранились линейки, резинки, скрепки и все такое. Конечно же, в идеальном порядке, рассортированные по мелким от-делениям. Он достал большую скрепку и сделал из нее крю-чок.

– А если вот так... – пробормотал он, засовывая скрепку в замочную скважину.

Некоторое время он возился с ней.

– Нет, – проговорил он. – Я чувствую внутри нужную штучку, но скрепка гнется. Нужно что-нибудь покрепче.

Он выдвинул другой ящик, достал небольшую отвертку, вставил в замок и повернул. В замке что-то щелкнуло.

– Ну вот! – с довольным видом проговорил он.

Я была дико удивлена. Разве может быть все так просто?!

Все эти старинные штуки обычно очень *сложные*, в этом их суть! Зачем кому-то пришло в голову прятать что-то в шка-тулку, которую так легко открыть?

Но Орест преспокойно отложил отвертку и открыл шка-тулку.

– Вау! – сказал он.

– Что, что там? – спросила я, потому что он по-прежнему держал шкатулку в руке и стоял, закрывая ее от меня. – Новые письма?

– Совсе нет! – заявил он, улыбаясь. И повернул шкатулку так, чтобы и я могла увидеть.

В шкатулке лежал предмет, поблескивающий золотом при свете настольной лампы Ореста. Что-то гладкое и круглое – на мгновение я снова подумала об астролябии, однако это было нечто куда более прозаическое, чем магические звезд-ные часы.

– Часы! – выпалила я.

– И даже лучше, – сказал Орест. – Золотые часы!

Осторожно достав предмет из шкатулки, он взвесил его на руке.

Это были такие круглые толстые старинные часы с крыш-кой, которую можно открывать. Светлый циферблат с дву-мя тонкими ажурными стрелками. Цифры нанесены черным цветом, а в самом низу, над цифрой шесть, виднелся еще

один маленький циферблат с крошечной стрелкой, показывающей секунды. Но сами часы – то есть окантовка вокруг циферблата, крышка и задняя стенка – все блестело золотом.

– Откуда ты знаешь, что они золотые? – спросила я. Это мог оказаться другой, гораздо более дешевый желтый металл – уж не знаю, как он там называется.

– Иначе они бы почернели, как шкатулка, – ответил Орест, вертя в руках часы. – Наверняка стоят несколько тысяч!

Орест немного заиклен на деньгах. Обожает ценные вещи. Хотя я понимаю: у него никогда не было денег, по крайней мере в достаточном количестве. Мне кажется, он носит каждый день свой коричневый джемпер в катышках не потому, что любит его, а потому, что у него просто нет другого.

– Дай подержать!

Он протянул мне часы. Они показались мне тяжелыми, но при этом как будто мягкими и круглыми. Я повертела их в руках.

На внутренней стороне крышки виднелась гравировка. Я повернула часы к лампе, чтобы рассмотреть надпись.

– Орест! Смотри! – крикнула я.

Разбирая буквы с завитушками, вырезанные на блестящей поверхности, я прочла:

Инженеру – майору

Акселю Острёму

за долгую и верную службу

*Дорожно-строительное ведомство
Гётеборг. 2 декабря 1892 г.*

Аксель! С ума сойти! Как могли часы Акселя очутиться под камнем Сильвии? Кто положил их туда и зачем? Ведь Аксель исчез из Лерума *до того*, как умерла его собака Сильвия, – так нам рассказала Герда. Значит, это точно не он.

И зачем потусторонний голос рассказал нам на сеансе о камне Сильвии?

Тут у меня мелькнула мысль.

– Интересно, а они идут? – проговорила я. В верхней части часов виднелось колесико. Я повернула его несколько раз, потом отпустила.

Часы начали тикать.

Тик-так, тик-так.

Секундная стрелка побежала по предназначенному ей маленькому кругу.

После перерыва длиной в сто с лишним лет.

На дне шкатулки, под часами, лежало несколько сложенных пожелтевших листков. Я бережно развернула их. Первый оказался письмом, написанным на пишущей машинке – на тонкой старинной бумаге, как в прошлый раз. Но вместе с ним – еще и несколько листков поплотнее, отпечатанных типографским шрифтом и пронумерованных.

– Это же страницы из книги! – выпалила я.

Вверху первой книжной страницы я увидела заголовок: **МОНОХОРД**. И стала читать вслух:

Монохорд, или однострунный канон, как указывает его название, имеет только одну струну, последняя же для усиления звука укреплена на полом деревянном основании, также называемом резонаторным ящиком, и может быть укорочена по собственному благоусмотрению.

Но что это такое? Я ни слова не поняла.

На странице было два рисунка: рисунок 416 изображал ящик со странными черточками – судя по всему, это и был монохорд, а рисунок 417 – «дрожащую струну».

– Ты лучше посмотри письмо, – сказал Орест. – Может быть, мы узнаем, чего он хочет на этот раз...

Машинописные буквы слегка расплылись, но текст можно было прочесть.

К счастью, письмо оказалось разобрать легче, чем строки про монохорд, хотя оно было старинное и написано высокопарным стилем. Дрожа от нетерпения, я срывающимся голосом прочла его вслух. Затем мы с Орестом сделали его краткий пересказ. Само письмо приводится ниже, но при желании вы можете его пропустить – например, если вам не нравится все время спотыкаться о слова «донельзя» и «премно-го». Самое главное мы отразили в пересказе.

Лондон, 7 октября 1893 г.

Дорогой брат!

Могу представить себе твое недоумение при получении этого странного письма, когда миновало уже так много месяцев с тех пор, как я пустился в путь. К тому же я и не имел намерения возвращаться.

Долгие годы я тщетно пытался доказать и объяснить загадочные земные силы, подлежащие измерению тем инструментом, который я когда-то похитил у великого инженера Нильса Эрикссона, – так называемыми звездными часами. Но мой замысел не удался. Правда, я обнаружил земные силы вдоль путей, проходящих по земле вокруг Лерума, но они постоянно пульсировали. Я полагал, что эти земные силы каким-то загадочным образом изменялись согласно движению звезд, но мне так и не удалось постичь, как это происходит.

Ты наверняка помнишь, как я признался тебе в этом поздним вечером несколько лет назад, когда особенно

остро нуждался в верном друге. Ты помнишь также, что меня настойчиво призывала закопать инструмент в землю фрёкен Сильвия, загадочная девушка, которую я встретил в годы молодости, но так и не смог увидеть вновь. Она попросила меня укрыть звездные часы так, чтобы только избранный, дитя-лозоходец, смог найти их, когда придет время. Фрёкен Сильвия была убеждена, что только дитя-лозоходец сможет употребить звездные часы на благие цели. Она попросила меня также сохранить слова странной песни, которую она мне спела и которая, похоже, как-то привязана к лозоходцу.

Много лет отказывался я выполнить желание фрёкен Сильвии, поскольку сам намеревался использовать звездные часы, однако теперь я поступил, как она меня просила. Закопав таинственные звездные часы в землю, я позаботился о том, чтобы только избранный, только дитя-лозоходец, сумел найти их в отдаленном будущем. Буквы, вырезанные мною на дереве рядом с тем местом, где лежат звездные часы, дают при подстановке в шифр имени лозоходца в качестве ключа то место, где дитя-лозоходец сможет использовать звездные часы.

Я прервала чтение. Вот опять! Буквы СРЖБХРЪМ, вырезанные на дереве в лесу – как раз там мы были сегодня, – должны указать место, где избранный сможет воспользоваться звездными часами. Я посмотрела на Ореста. А что, если дитя-лозоходец – это все же он? В Оресте точно есть что-

то необычное. А еще это его родимое пятно! И даже если он сам не лозоходец, то уж точно брат Электры, которая, по мнению Эйгира, и есть дитя-лозоходец. Ведь не могут же существовать два лозоходца... хотя...

– Продолжай! – нетерпеливо произнес Орест. Он сидел с ручкой в руке, готовясь записывать самое важное. Пока что он ничего не записал – мы и не узнали ничего нового. То, что Аксель пытался сам использовать звездные часы, а потом отправился в путь искать Сильвию, нам было уже известно. Я стала читать дальше:

Когда это было сделано, моей единственной целью стало снова свидеться с фрёкен Сильвией, и я пожелал выбросить из памяти все измерения и инструменты.

Но с чего же мне начать? Моей первой мыслью было отправиться в лес, где я однажды наблюдал ее в единении с природой. Однако вскоре я осознал, что это приведет лишь к одному: я так и буду бесцельно бродить по лесу, страдая от голода и жажды. Тут я вспомнил, что она появилась в Леруме, чтобы предотвратить рискованное применение земных сил. Возможно, она решила продолжить такую работу? Или направилась к другим, кто интересуется коварной земной силой?

Стало быть, мой путь лежит к гадалкам и прорицателям, то бишь к людям весьма ненадежным.

Наведя некоторые справки, я обнаружил такое общество лозоходцев в Гётеборге и отправился на собрание, каковое оные устроили. Целью моей было

обнаружить хоть какой-нибудь след, который мог бы привести меня к фрёкен Сильвии.

Общество лозоходцев состояло примерно из полусотни человек. В основном мужчины, но было и несколько женщин. Вскоре я заметил, что большинство членов общества совершенно чужды логике, каковая необходима, чтобы исследовать какой бы то ни было предмет.

Собрания всегда начинались с того, что кто-нибудь из них повествовал об особенно мощной силовой линии Земли или перекрестье, обнаруженном им при помощи своей лозы. Вскоре речь первого подхватывал второй, уверенно заявляя, что ощущал то же перекрестье. После этого некоторые с мрачной миной заявляли, что совершенно ничего не ощущают. Но тут все прочие присутствующие начинали их горячо уговаривать, и вот уже другие тоже утверждали, будто ощущают всевозможные перекрестья!

– Типично! – прервал Орест. – Вот так всегда и бывает!

Теперь он записал на листочке «Общество лозоходцев» и «Гётеборг».

– В смысле «вот так»? – переспросила я. Сама-то я никогда не бывала на собраниях Общества лозоходцев.

– Ну, вот именно так, – продолжал Орест. – Понимаешь ли, вся суть использования лозы или маятника в том, чтобы находить что-то под землей – воду или золото – или же ощущать эти самые земные токи. И всегда все начинается с того, что кто-то один говорит, будто бы он чувствует где-то

силовую линию или пересечение силовых линий. Часто это человек, на которого другие смотрят снизу вверх, – ну, типа лидера. И всем сразу тоже хочется почувствовать это самое пересечение! Вот они сами и внушают себе, что его действительно чувствуют!

– Да-а? – пробормотала я. – То есть ты хочешь сказать, что никакого земного излучения не существует?

– Да! – выпалил Орест. – То есть нет. То есть... я хотел сказать, что это не доказывает существования пересечений силовых линий, если ты можешь найти их только после того, как кто-то другой указал тебе, где они находятся. Будь все это поставлено по-научному, каждый участник сам, независимо от других, должен был бы указать на одно и то же пересечение. Тогда это было бы что-то!

– Хм... – пробормотала я. Вероятно, Орест прав. Но сейчас мне так хотелось читать дальше...

По прошествии некоторого времени я почувствовал, что больше не в силах молчать. Я задал несколько вопросов о достоверности тех «чувств», которые участники испытывали по поводу положения перекрестий силовых линий, и вежливо спросил, были ли проведены независимые эксперименты. Стоит ли удивляться, что разговоры о земных силах считаются полнейшей ахинеей, когда их подают с таким явным идиотизмом!

Мне тут же стали возражать, назвали меня сомневающимся и лишенным всякого чувства.

Я стал решительно протестовать! В порыве возмущения позабыв всякую осторожность, я напрямую спросил: известно ли кому-либо из собравшихся о связи между земными токами и звездными полями? А пытался ли кто-нибудь наблюдать за движениями небесных тел, сопоставляя их с линиями на земле?

Какой-то дряхлый старик, сидевший подле меня, закивал:

– Земное излучение исчезает при лунном затмении, это известно издревле. Оно исчезает, когда исчезает луна...

Однако его прервали голоса, громко возмущавшиеся моими словами про доказательства и вообще тем, что я посмел выступить против их многолетнего опыта! Никто, заверяю тебя, никто не пожелал прислушаться к голосу разума! Продолжение дискуссии представлялось мне бессмысленным.

Поспешно схватив пальто и шляпу, я вознамерился немедленно покинуть помещение. В дверях меня остановил хорошо одетый молодой человек, положивший руку мне на плечо. Юноша прошептал так, чтобы остальные члены общества не расслышали его слов:

– Господин Острём ищет то, чего здесь нет... Но, возможно, он найдет это в другом месте...

Незаметно передав мне свою визитную карточку, он шепнул:

– В среду, в семнадцать.

На белой карточке я прочел слова:

*Сообщество Свидетелей Странного
Норра-Хамнгатан 14
Гётеборг*

Молодой человек удалился обратно в комнату, прежде чем я успел его поблагодарить.

Дорогой брат, мои поиски свели меня с людьми, преследующими бесчестные цели и совершенно лишенными совести. Никогда еще не было столь важно, чтобы решение загадки попало в нужные руки. Посему настойчиво прошу тебя спрятать это и мои последующие письма в строгом соответствии с моими инструкциями.

То, что привыкли мы видеть вокруг, новой картиной сменяется вдруг.

*С огромным доверием,
твой друг Аксель Острём*

Закончив читать, я позаботилась о том, чтобы мы кратко занесли на бумагу все, о чем говорилось в письме. В конце концов получилось вот что.

Краткое содержание письма, лежавшего под камнем Сильвии (составлено Орестом и Малин)

- 1. Аксель пишет письмо кому-то, кого он знает. Кто это – неизвестно.*
- 2. Он просит прощения, что уехал, ничего не сказав.*
- 3. Он рассказывает, что решил искать Сильвию.*

Поскольку Сильвия верила в земное излучение и звездные поля и пыталась помешать, чтобы этими силами воспользовались в связи со строительством железной дороги, он пытается найти других людей, знающих что-либо о земном излучении.

4. Поэтому он идет на собрание Общества лозоходцев (при помощи лозы находят земное излучение) в Гётеборге.

5. На Акселя все это не произвело ни малейшего впечатления! Он считает, что лозоходцы на собрании – тупицы (ТАК И ЕСТЬ!).

6. Он спрашивает, знает ли кто-нибудь о связи между земным излучением и звездными полями, то есть движением звезд и планет. Единственный, кто ему отвечает, – старичок, который говорит, что земное излучение исчезает во время лунного затмения. Остальные сердятся на Акселя, когда он спрашивает, есть ли у них доказательства.

7. Аксель хочет уйти, но его останавливает человек, который хочет снова с ним встретиться.

*8. Он дает Акселю карточку с адресом: Сообщество Свидетелей Странного Норра-Хамнгатан 14
Гётеборг*

9. Аксель пишет: исключительно важно, чтобы по новому следу шел нужный человек. Он предупреждает о людях, у которых бесчестные (то есть преступные) цели и нет совести.

10. Письмо кончается словами: «То, что привыкли мы видеть вокруг, новой картиной сменяется вдруг».

– Но где же подсказка? – спросила я. – Он оставил нам хоть какой-нибудь ключ?

– Похоже, что нет, – ответил Орест. – Но ведь и зашифрованного текста тоже нет! Мы не можем разгадать шифр, если нет зашифрованного сообщения! А здесь ничего такого нет! Если, конечно, дело не в тех, других бумагах – про этот, как его... монохорд?..

Мы всячески поворачивали страницы, где рассказывалось о монохорде, но, сколько бы их ни изучали, не могли найти ничего похожего на код или тайное сообщение.

– Супермистика какая-то! – воскликнула я. – Как же мы найдем следующее письмо? Ведь он же сам говорит, что будут еще письма! И просит того, кому пишет, спрятать «последующие»!

Я прокрутилась разочек на вращающемся стуле Ореста. Заметила, как его волнует, что я могу нарушить образцовый порядок в карандашнице на его столе, и не удержалась: назло ему вернула простой карандаш, которым мы писали, не на то место.

– Это продолжение всего, что мы обнаружили весной! – заявила я. – Ты только представь: Аксель написал еще письма! Но кому он их послал? Создается впечатление, что шкапулку с часами и посланием спрятал под камнем кто-то другой. Ведь собаку Сильвию, когда она умерла, похоронил под камнем дедушка прабабушки Анте – это было уже после того, как Аксель исчез... Помнишь, Герда рассказывала про

дедушку?

– Точно, – проговорил Орест. – Думаю, нам надо поговорить с Гердой.

– Но зачем? – удивилась я.

– Мы должны выяснить, зачем она сказала нам, чтобы мы нашли это письмо.

– Но ведь это не она... это был другой... голос, который...

Устами Герды определенно говорил чей-то чужой голос! Может быть, это и был тот старинный родственник? Ее бабушка? Или же сам Аксель? Или... кто-то еще. У меня снова мурашки побежали по телу. Хотя все происходило среди бела дня, меня пробрала дрожь, стоило мне вспомнить, как жутко звучал голос на сеансе у Моны.

– Это сказала Герда, – сухо возразил Орест. – А мой опыт подсказывает, что если человек что-то говорит, то обычно преследует какую-нибудь цель.

Как обычно, мы с Орестом думали по-разному. Но я тоже хотела бы снова поговорить с Гердой. Осталось только как-нибудь это устроить!

Шкатулку и страницы из книги с текстом о монохорде я принесла домой. Орест сказал, что спрячет часы и письмо «в надежном месте». Подозреваю, там же, куда и астроблюбу спрятал. Теперь у Ореста есть собственный клад, который наверняка принесет ему достаточно денег, чтобы купить себе квартиру и компьютер, как только ему исполнится восемнадцать!

Я порадовалась, что он взял вещи себе, – мне-то и вовсе невдомек, где так спрятать золотые часы, чтобы родители не нашли их и не начали задавать ненужных вопросов. Шкатулка – другое дело, я могу сказать, что получила ее от Ореста. В ней ничего ценного нет.

Итак, мы нашли кое-что под камнем Сильвии, как и обещал голос. Однако мне что-то было не очень радостно. Все это странно и как-то не так. Конечно, приятно найти золотые часы. Но, поскольку весной мы обнаружили бесценную астроблюбу, золотые часы скорее вызывали разочарование. Ну и что нам с ними делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.